

П. М. Мурадян

Григор Нарекаци в грузинской литературе XVIII века

В XVII—XVIII веках, в связи с умножением армянского населения в Грузии, грузинские писатели возобновляют свое знакомство с армянской письменностью. Расширяются армяно-грузинские литературные связи, обусловленные, в основном, новыми историческими условиями, а именно: сознанием необходимости армяно-грузинской совместной борьбы против турецких и персидских завоевателей. И первым долгом носителями этих новых идей и побуждений были писатели. В годы царствования Ираклия II в Грузии было много писателей-армян, творчество которых официально поощрялось Ираклием и школой Антония.

Вот как оценивает Ираклий II в одном из своих указов деятельность ученых-грузинских армян в лице Филиппа Кайтмазяна (Кайтмазашвили): «Ты, отец Филипп, был нашим верным служителем, и в деле переводов научных книг и воспитания [учеников] внедрил свою заслугу»¹.

В отличие от прошлого многие грузинские писатели XVIII века владели или же были знакомы с армянским языком. По свидетельству царевича Теймураза, монахиня Макрине (род. в 1696—98 гг.) наряду с французским и греческим языками владела и армянским².

Возникновение грузинской армяноведческой школы связано с именами Антония I и Филиппа Кайтмазашвили (-яна), но не ограничивается ими. Переводами с армянского занимались также Черкезишвили, который «Прекрасно владел языком армянским»³, Тимофей Габашвили-Кутатели, Некресели, ректор Гайоз, Антоний Цагарели-Чкондидели⁴ и впервые упоминаемый в данной статье Габриел Иоанисдзе.

К сожалению, сохранившиеся рукописные материалы так скудны, что трудно со всей ясностью установить переводные произведения с грузинского языка этого периода. Но и по фрагментам можно предположить, что ученые-армяне в Грузии в свою очередь включились в переводческую работу. В памятной записи грузинского перевода «Катехизиса» Анастасия Антиохийского читаем: «Книгу сию в Константинополе некий гру-

¹ См. Центр. гос. ист. архив. Грузии, фонд 229, пап. 14, № 37 (на груз. языке).

² См. К. Кекелидзе, История грузинской литературы, т. I (на груз. яз.), стр. 344.

³ Յժոհը լիբրըն խորհրդոյն թղթաւորութեան, стр. 169. см. рук. S-1137, S-2564, S-278.

⁴ Кутанский гос. ист. музей, рукопись № 95, предисловие, ср. Кекелидзе, ук. соч., стр. 393—394.

зин, знаток греческого языка, перевел на грузинский язык а... один из армян в Грузии — с [грузинского] на армянский, с изменениями»⁵.

Сохранены также переводы с грузинского (в фрагментах) врачебной, астрологической литературы, на что обратил внимание проф. И. Абуладзе⁶. Отметим, наконец, что в Тбилиси творили армянские ученые: Захарий Вардапет Матинян (Мадинашвили), который и был «высокой степени образованным философом-богословом; он обучал многих армян и грузин философии, истолковал своим ученикам богословские начала [Прокла Диодоха] «Пять гласов» философа Порфирия и «Определения философии» Давида Анахта»⁷, сопереvodчик и Антония I Тер-Петрос, Тер-Самуэл и др.

Основной темой переводчиков прежнего периода были памятники агнографического, догматического характера. Однако новые историко-политические взаимоотношения не только вывели сотрудничество армянских и грузинских литераторов из подобного ограниченного круга, но и дали возможность проникнуть в новые отрасли: философию, риторику, историографию, грамматику, лексикографию, юриспруденцию, литературно-художественные произведения.

Вследствие этого грузинскому читателю стали известны многие армянские писатели, историки и поэт Григор Нарекаци.

В древнегрузинской литературе впервые о Нарекаци упоминается в «Готовом ответе» (მზამეტყველება) Антония I, написанном в 1750—52 гг.⁸ Перечисляя монофизитов и отвечая антихалкедонским соборам, Антоний говорит об армянских диофизитах (иногда не совсем правильно адресуясь): «Григорий Нарекаци, со святостью которого я весьма хорошо знаком... написал книгу молитв, полную кипучей, горячей божественной любви и православия»⁹. Правда, Антоний I при составлении списка как монофизитов, так и диофизитов использовал латинские источники¹⁰, как это доказано профессором Меликсет-Беком¹¹, однако там только перечисляются «православные отцы армян» (ძიგაჟიანი წარსრ წაჟიგ), они в отдельности не оцениваются. Значит, в данной оценке Антоний I вполне оригинален.

Характеристика Антония интересна с двух сторон:

Наши разыскания привели к выводу, что Антоний мог оценить Нарекаци только в грузинском переводе, так как он сам не раз заявляет, что «армянским владел очень мало и кратко»¹². Но в любом случае яс-

⁵ Тбил. инст. рукописей, 2406, стр. 171, ср. Кекелидзе, стр. 74.

⁶ «წახრჩი ქათხნაგარანი», № 3, стр. 101—114.

⁷ კალამბა, II, стр. 204.

⁸ Об идеологических причинах появления данной работы см. Кекелидзе, стр. 378—379.

⁹ მზამეტყველება 1892, стр. 116.

¹⁰ Concilii tinols Ecclecie Armeniae cum Romana ex ipsis armenorum parrum et eloctorum testimoniis, auctore elemente Palang, t. 1—II Romae 1650.

¹¹ ანტონ I-ის მზამეტყველების ლათინურ-სომხური წყაროება, თბ. სახ. უნ. შრ., XXX II, 1947, стр. 97—111.

¹² მზამეტყველება, II, также см. კ. კეკელიძე, ანტონ I-ლის სალიტერ-ო მოღვ. თბ. 1914 წ.

но, что сочинения Нарекаци были хорошо известны армянам в Грузии, а через них — грузинам.

В памятной записи на грузинском языке рукописи № 22 армянской коллекции Института рукописей АН Грузии перечисляется имущество библиотеки Тбилисской армянской церкви святого Георгия¹³ в XVIII веке, где в числе 40 других старопечатных и рукописных книг называется и «Книга скорбных песнопений» Григория Нарекаци, возможно старотипное, так как к рукописи прибавлено слово «старый»¹⁴.

Антоний I имел полную возможность пользоваться этой библиотекой, потому что в церкви святого Георгия служили Филипп Кайтмазян и учитель Аветик.

О том, что произведения Нарекаци были распространены в Грузии, в том числе и среди огрузинившихся армян, свидетельствует также рукописный сборник с грузинским шрифтом, принадлежащий Акопу Хизанову (из Гори). По описанию проф. Меликсет-Бека¹⁵ в ней были 2 сочинения Нарекаци (молитвы или восхваления). Таким путем сочинения Нарекаци вполне могли проникнуть в грузинскую среду и стать хорошо известными Антонию I.

В условиях тесных литературных взаимоотношений XVIII в. перевод произведений Нарекаци является доказательством огромного интереса к армянской литературе, а также к той развитой грузинской среде, где они переводились.

Филологи имели бы возможность заниматься вопросом перевода Нарекаци, так как профессор К. Какелидзе в книге *ქართ. ლოც. ისტ.* I говоря о переводческой деятельности Филиппа Кайтмазяна (стр. 368—369) под 21 пунктом пишет: «Наконец, в 1775 году... Гавриил Иоанисдзе по поручению католикаса Антония... при сотрудничестве Тер-Филиппа, перевел «Похвалу и восхваление богоматери» Григория Нарекаци». Проф. К. Какелидзе также имеет в виду и указывает рукопись S—379, однако тут переведено не одно, а два восхваления, второе без заглавия. Таким образом: Нарекаци занимает не 65—81 стр., а 65—85, второе в подлиннике под заглавием *«სიორის ქრისტის ჩ ყბრის ანოსან ჩიროს»*

Причиной предания забвению филологами этих переводов является, вероятно, еще не полное описание коллекции Тбилисского Института рукописей¹⁶.

¹³ Речь идет о «ციხის დიდი საეკლაროდ, подробности об этой церкви см. *ფაქიონთა ცხრილებანი, აღქმის საყ. ყათიმ. წამარ», 1890 მ.*

¹⁴ В XVIII в. до упоминания Нарекаци Антонием I «Книга молитв» (туда входит и «книга скорбных песнопений») была издана 2 раза в Константинополе—1701, 1721, затем—1755, 1763, 1774, 1783 гг.

¹⁵ *მელიქსეთ-ბეგის სომეხი-ქართული ლიტ. ურთიერთობის იშვიათი თხელი, .თბ. საბ. უბ. შრ., ტ. 25. 1941, გვ 101—200* (состояние и место рукописи не известно).

¹⁶ Вот краткая характеристика рукописи: рукопись 379 — объемистый сборник переводных и грузинских стихотворений догматико-философского содержания. Согласно записи на стр. 29 она составлена по заказу (поручению) Даднани, на 222 страницах, в конце XVIII века. Место возникновения рукописи — вероятно Западная Грузия.

Перевод «Восхвалений» Нарекаци оснащен предисловием, которое первоначально, вероятно, было и памятной записью. Ниже публикуем текст предисловия памятной записи так, как он дается в рукописи.

ენიანიგჳა ქანილის (?) გავრიილისაგან. თაით ამისჳ მთარგმნალისა მიერ

ნამკნი სიბრძნისა სამმეცნთა კეთილთაგან და შემაახნი აღჭვირვით გონებისა ხედუათა სავსებათადმი კეთილობისა მიზეზისად, რომლისად ძნობილ ყოველი სიტყუაობითი ქება მესიტყუათა ბუნებათაგან აღმკვირულებენ მარად ამსურუეობით და აღიტრობენ აღცისკრებით სამნაწილედთა მათ სეესებულთ ცნობათაგან, რომლითა მოირობნ ნიჭ. ~~მკულა~~ პიროული იგი კაცი, რათა მიუწთო იგი უხილავი ხილულთა, ამათ მიერ აღიცნობვოს ცხადებისაებრ მოციქულისა და უსაშუვლო იგი საქებელ ზენათა მათგან დასთა მოეცეს საშუვლობითა მათითა ქუენითა ამათ მიწიერთად საქებად.

ამათ საწადესთა გონიერებისა ვითაობათაგან ვიხილენ რა განშუენებულად, ვით სამკაულ საღმრთო და სანიჭო, მალალი სიტყუ[ი]თი ძლიერი და სასიტყუიერო თუალი და შესხმაობითი მარგარიტი მორთმული ძლიანვით და მონალიად-წერს უსძლოსა სძლისა ქალწულისა მაოიამისად ნარეკელისა გრიგოლისაგან წიგნსა შინა ვედრითსა თვასსა, რომელი აღუწერიეს ფრიად შუენ-ყოფით სიწლოთაგან გონებისა განწმელისათა აღმსარებსა ჩუენ მართლ-რწმენითთა სარწმუნოებათასა, თანად შეწყნარებით მეოთხიხა კრებისა, რომლისა აღწერით დანესტვითსა შეწყნარებასა დამისტუენს მეძნობე ეკლესიის ახლის ამის ისრაილისა, სამწყსოთა მწყემსი დიდი და მთავარი ყოვლისა ზემოდსა საქართულოისა. უწმინდესი პატრიარხი ანტონი, ნორჩი მალალთა მეფობითთა მტილთა თვისსა ძნობილსა მზამეტყუელებისა წიგნსა შინა განსაწყობელსა ერთ-ბუნებიანთ მიმართ. და გარდამოვიღენ ენასა ჩუენ ქართუელთასა მე, ყოვლად უღირსმან და დამდებულმან ყოველთა უქეენაეს არა მხოლოდ ბრძენთა, არამედ ლიტონთაცა ცოდვითა მრავლითა და არა ღირსმან ადგილთა ამათ და ხარისხთა მალალთა მალალად აღყუანებით დგომისა მღუდელმან, მისის სიმაღლის მოძღურის იოანეს ძემან გავრიილ, თანაშრომითა ჰარმანთა ენისა მღუდელის ტერ-ფილიპესაგან. გევედრებით მშრომელნი მხილუელთა არა ცემად წყევად მადლობათათვის.

დროსა მათის უმაღლესობის ირაკლი მეორის სუფევისასა, რომლისა დღენი იყავნ მრავლებულ, წელთა სიმრავლით მშვიდობისათა, მწყემსთმთავრობასა მათსავე უწმინდესობისასა-წელსა შობითგან 1775 თთუისა მეოთხისა, როცხუსა 1¹⁷.

17 «Предисловие, творенное Гавриилом, самим же переводчиком сей [книги]»

...Состоянием этого најжеланного разума замечаем как красноречиво, словно украшение божественное и даровитое, [как] гостинец высокого слова и око словесное, жемчужным восхвалением, украшенный дарованием пишет о невесте—девице Марии Григорий Нарекаци в своей «Книге молитв», где весьма образно, мелкими [чертами] разума описывает священную исповедницу нашей православной веры, соответственно признанию четвертого собора...

Перевел на наш грузинский язык я, недостойный священник, сын его высочества наставника Иоанна, Гавриил, при содействии армянского иерея Тер-Филиппа, во дни царствования... Ираклия II и патриаршества того же святого [Антония], в 1775 году, 1 числа четвертого месяца»

До художественной оценки перевода выясним один вопрос.

Как у Антония I, так и здесь, сочинения Нарекаци называются «Книгой молитв». Известно, что часть рукописей и старинные издания его сочинений имеют общее название «Книга молитв», под которым подразумеваются песни, восхваления, а главное — «Книга скорбных песнопений» (*«Ushobash nqrbraqnibash»*). Таким образом, в предисловии речь идет не о двух восхвалениях, а о «Книге молитв» целиком. Несомненно, предисловие было памятной записью перевода «Книги молитв», если не в целом, то в большей своей части. Да и сам сборник показывает, что в него включены изречения из разных поэтических произведений, полные тексты которых известны грузинской филологии (в том числе и тексты из Иоанна Златоуста). По нашему мнению, оба «Восхваления» Григора Нарекаци, сохранившиеся в сборнике, также являются извлечениями из грузинского перевода «Книги молитв». Если потеря безусловна, то когда-нибудь, вероятно, удастся обнаружить в грузинском переводе и «Книгу песнопений», которая кроме лучшей оценки творчества Нарекаци, была бы и лучшим свидетельством переводческого мастерства и лексических богатств грузинского языка.

Предисловие — памятная запись, включает в себе и определенную оценку художественности произведения Григора Нарекаци.

Переводчик смог заметить всю ту силу образных выражений автора, которые характерны для песнопений Нарекаци как способ, прием изображения. «Восхваления» Нарекаци, которые в сущности являются идейно-художественной подготовкой «Книги скорбных песнопений» (трагедий), представляют собой, как выражается переводчик, «высокое дарование словосочинений и источник глаголия».

Арменоведам хорошо известна манера словообразования и сопоставления эпитетов Григора Нарекаци. И чем образнее становится его художественно-сложный язык, тем труднее его перевести. Это заставило переводчика иногда соединять ряд неудачно переводимых эпитетов, слова непереводимые заменять соответствующими синонимами.

*ი მარტყაქის ვარძე ზრბ-
თაქ... ხრკნაქის, ქბღაკანაგ
ახიჩგა ანმან ახროქრქ, რ ზოგა-
ქის სიქიოქ ისიქი შაქხერაქ, ი ბი-
ქაქის რბრმანგ ზნორჯაქიქ მარ-
ყარქით, ი ქხახანს რიოქი ჟაღგ-
რაყათიღ ბაღიქ, ი ქალირავ
ნაქსნახანს ზქი ორჯნიქხანს, გო-
ღიქის ზანღაროქი ამაყ ანბრკა-
ბქი, არხიონს ბაღმანს აკს არ-
ქიქაქაი*

გადიდებდ ვითარცა ანგლოზსა ზე-
ციერსა, ნათესავთაგან ხრწნათა, უკუ-
დავსა სერათინსა: მიწიერ ნივთისაგან
(ხრწნადთა, უკუდავსა) ოქრო სოფერ-
სა, ზღვიერ მოღებათაგან მადლოვან,
ნათლ-მარგარიტსა იესიან ნერგისაგან,
ტკბილ-ნაყოფ ყუავილსა დღეთა პირ-
ველთაგან მტევან კურთხეულსა ცრუე-
ვისა მყედროსა, ღრუბელ უხუ-მაწვი-
მიბღლსა მზისა აღმობრწყინუცბისა
თუალნათელ-ბრწყინვალებასა.

(стр. 75—76)

Заметим, что перевод с художественной стороны почти не уступает оригиналу, хотя некоторые выражения для читателя-грузина могут зву-

чать не совсем обычно. Чтобы найти подходящий стиль и сохранить звучность оригинала, переводчик обратился к классическому грузинскому стилю Петрицы, выработанному в XI—XII веках.

Иногда также чувствуется метафастный прием изображения, взятый из агиографической литературы.

Особенно оригинально звучит перевод «Восхваления» (*ჭიმარე ჯამრე*) где, как и в его «Песнях», образы и сравнения, сочетания картин природы и переживаний человека, превратили богоматерь в конкретный женский образ невесты, «украшенную златошитой одеждой».

Сравнительно иным становится настроение автора во втором восхвалении.

Здесь он более сдержан, сравнения, эпитеты уступают высокому настроению первого восхваления, догматический оттенок более чувствителен: вот начало первого:

*ჭიმარე ჯამრე ეასოც ხრვან-
კაქს ყათოიასირენ რირარეღონ
რანხიე დიქსთი დსკრნაქიქს კხ-
ნაგ დიქიე ზი კიგა რანხიე ეღა-
დასიქსხანგ...*

კრებულნი გუნდთა დასთა ნეტართანი,
პატივ-მოყუარებენ სიტყუითა ეები-
სათა, დასაბამ-ნათლისადმი ცხოვრე-
ბისა არსთასა, კმათა თანა სურვილ-
ხმაობათასა...

(გვ. 67)

Удачно переведены сравнения Нарекаци, особенно образы. Именно эластичность, гибкость грузинского языка, богатство его образных выражений, помогли придать переводу звучность оригинала.

*ჭირაღანგ ჯაქიქი კვიმან ხრე-
რაქინ რნიქსხან, ს რნიქრეკანან
ნაქაღასოქსხან ხეხაქ ქხა-
კან. სრროსი ყაქბათი ათაგასათ
ფირქქინ ზრჩათოთი, ს სირიონ ზსქ
ახსაქიქიქი ქასან მხრ...*

განზომისა ზესთ უაორის სასწორისა
ზეციერთა ბუნებათაგან, და ქერო-
ბინებრთ პლ დასოზათაგან ქმნილ
უპირატესობითა გიცმობთ თენ, ვო
ბორუცივალო ეზო მაცხოვრისა ქრის-
ტესო და ამისათვის...

Произведения Нарекаци в основном написаны в стихотворной форме, ритмически очень устойчивы.

*ხრახაგხირ ანრაქ რხრკრანორ
ჯარას ლილიქი ისქეღარე დგხს-
თიქი ყანონხანქი
...ხქ არეგაქსაყხს რილიქ-
მამრ ათ არიანხან ხრაგ რნ-
ქაგარი*

გიხაროდენ უნეშთაქსო შუეებითა
სძალო ნათლისაო, ოქროსამკსულითა
სამოსლით შიმოსილო,
...და მზებრ ბრწყინვითა მთიებე-
სადმი მალლისა ემკვირცხლესად აღირ-
სობოლე.

Но тут необходимо выяснить вопрос о комментариях переводчика. Известно, что армянская церковь представила Нарекаци как монофизита, иногда лишь приписывая его произведениям чисто догматическое содержание. Именно «Книга скорбных песнопений» долгое время была признана как наилучшее выражение антихалкедонских настроений, когда, напротив, грузинские писатели (при наличии подобного отношения

армян-диофизитов), восприняли его как выражение халкодонских настроений. Выше, по поводу «Готового ответа» Антония I мы говорили, что в латинских источниках Нарекаци упоминается в числе «православных отцов армян» (т. е. диофизитов). Значит, это толкование не только грузинского происхождения, оно бытовало и раньше среди армян, откуда проникло в латинскую литературу.

По нашему мнению, причину такой двойственности (в толкованиях) нужно искать не в комментариях, а в самих произведениях Нарекаци. Не нужно ли рассматривать этот факт, как следствие действительно отделения, в какой-то мере, от официальной церкви?

Данный перевод представляет особый интерес с точки зрения выявления нового писателя-переводчика, впервые ставшего известным. Перевод предполагает полное владение армянским языком. Но одного этого было бы мало, ибо только переводчик-поэт, имея исключительную способность художественного восприятия, смог бы проникнуть в глубину произведения Нарекаци.

К сожалению, мы не обладаем никакими биографическими данными о переводчике. Согласно памятной записи, Кайтмазян сотрудничал с ним при переводе, видимо в толковании армянского текста. Но основную работу, как справедливо отмечается в тексте, сделал сам Гавриил Иоанидзе. Этот арменовед, оставшийся неизвестным грузинской филологии, согласно его языковым и стилистическим данным, принадлежал школе Антония I.

В XVIII веке известны два Гавриила: Гавриил младший (გოგ) и переводчик Антония, — отец — Гавриил. Но они не занимались армянской письменностью, не владели армянским языком и резко отличаются в стилистическом отношении. Одно ясно, что Гавриила Иоанидзе нельзя путать с ними. Последний был одним из тех, кто учился у Кайтмазяна, и чья деятельность поощрялась Антонием I. В лице Гавриила Иоанидзе история грузинской литературы обогащается еще одним переводчиком — литератором, если даже не поэтом. Мало вероятно, чтобы автор, обладающий таким переводческим мастерством, не имел бы других переводов.

Дальнейшие разыскания в этом направлении несомненно обнаружат новые переводы и, быть может, оригинальные труды этого замечательного переводчика.

XVIII век в армяно-грузинских литературных взаимоотношениях знаменуется многочисленными переводами, но перевод произведения Нарекаци занимает особое место в этом цикле, а по своим художественным достоинствам не уступает средневековой переводной литературе вообще.